

ЧУДАК

I

Меж ввитых в дымы сосен, по искромсанной снарядами лесной дороге, рота тихо пододвинулась к опушке. Обогнув шесть ахающих жерл, она оторвалась от леса и сомкнулась в цепь, стала медленно ползти по отлогому скосу холма, поднятому над полем. Или, со штыками у глаз, по сожжённой боями и зноями растрескавшейся земле, к чёткому верху холма: здесь, на узкой полосе, отделившей опушку от холма -- было странно тихо. Полоса была выключена из смерти: сверху её прикрыло верховым визгом пули и лётами снарядов. Но удары их, гудом и хрустом полнившие лес, одевшие в пыль и мглу разрывов поле, ждавшие впереди, за гребневой линией холма, -- оставляли полосу нетронутой и как бы забытой боем.

На гребне, по обе стороны жёлтого разбега дороги возникали, то тут, то там, качающиеся носилки с человеческими тушами меж параллельных, длинных, чуть выгибающихся шестов. Взмыв над линией гребня, прогрохотала пустая патронная двуколка: она бешено неслась на нас, толкая раскрутившимися колесами ошалелую, припадающую на задние копыта, сизую костистую клячу.

Слева -- кладбище: с сорванным канонадами дерном. За прорывами ограды -- кресты, пригибаясь рядами к земле, чинно кланялись, прося не забывать.

Но мы пока шли мимо: вернее, близящаяся чёткая линия гребня шла на нас, медленно пододвигаясь под ноги. Мы знали: переступив её, откроем себя -- пулям и, главное, глазам наших убийц. До черты: сто шагов, пятьдесят, двадцать, сейчас: глянув влево, я увидел человека: человек этот, одетый в мешковатую полувоенную-полутуристскую одежду, с портфелем, мирно положенным на колени, сидел нога на ногу на камнях низкой кладбищенской ограды и, с видом совершенно посторонним всему происходящему, выставился узкой, крюком выдвинувшейся вперёд рыжей бородкой навстречу цепи. Он проводил спокойными глазами клячу, бегущую к опушке, и теперь фиксировал острым наблюдательским глазом нас. Но линия, отделившая затишье от боя, была уже под ногами: шаг, -- и всё -- опушка, подъём холма, кляча, кресты, стена, человек на стене -- исчезло. Нас взяло боем.

II

Ночью сменили. Не всех: иные как легли, там в поле, так и лежали: и только затоптанная боями трава оплакивала их скудными росинами.

Шли молча, с винтовками на ремнях. Земля -- сперва -- скосом вверх; потом -- скосом вниз: под синими взлётами ракет возникал и ник, ник и возникал -- неясный контур ограды: за её брешами -- кресты: униженно пригибаясь крестовинами, земно кланялись, моля не забывать. Но мы ещё раз проходили мимо.

В памяти моей возник давешний образ: сторонний бою, спокойный человек, с портфелем, раскрытым на коленях, любопытствующая крючковитая бородка, обыскивающая бой.

Шпион? Вряд ли. Если не шпион, то кто? И чего ему, не позванному смертью, топтаться тут на кровях?

Шли до команды "стой". После "стой" повалились на землю: всех прикрыло сном.

Рассвет отыскал нас меж стволов реденького растерявшего ветви, загаженного и ископанного леса. Тотчас же, параллельно стволам, потянулись сизые дымки. Ржаво затягивали манерки. Птицы давно с омерзеньем покинули это жалкое, прокопченное гарью, бессильно тычущее в небо обугленные и искалеченные сучья подобие леса. Потянулись тягучие -- пустые дни. От поверки до поверки, меж стуков топора, горластых песен и скучливого лета снарядов, ухающих там, где-то в полуверсте от нас. Чай из лужи, ловля вшей, сон, чаёк и снова сон.

И каждый вечер я выходил к опушке. Там, прижавши спину к шершавой коре сосны, я ждал: у горизонта, полужаженные туманом, тянулись ало-синие зоревые полосы. И каждый вечер оттуда выкатывала телега; она выезжала всегда будто из зари; колёса, перекатившись с ало-синих борозд в тёмные вдавленные в землю колеи, сонно ворочая спицами, близились к опушке; и всегда на соломенном настиле -- навзничь и ничком, лицами в лица -- трупы. И в этот